

факультете Гарвардского университета. Лииса работала преподавателем музыки. В 1950-е годы супруги вернулись в Финляндию. Юсси защитил докторскую диссертацию по философии и занимал в дальнейшем должность профессора в университетах Ювяскюля, Турку и Хельсинки. Лииса продолжала преподавать музыку: последним местом работы профессора Л. Тенкку была Академия Сибелиуса.

В заключение следует добавить, что мемуарным материалам предпослано “Введение”, написанное П. Невалайненом, крупнейшим финляндским специалистом в области пограничных миграций в Финляндии, в том числе и эвакуации финнов-ингерманландцев в 1943–1944 гг. (Nevalainen 1990). Его работы основаны на скрупулезном анализе архивных материалов и хорошо разработанных статистических данных.

Книга хорошо иллюстрирована фотографиями А. Хямялайнена, которые он сделал на оккупированной территории Ленинградской обл. в 1943 г. – он опубликовал их и ранее в специальных изданиях (Hämäläinen 1944). К сожалению, приложенная карта Ленинградской обл. дана на сером фоне, так что вряд ли читатель может ею воспользоваться.

Примечания

¹ По планам немецких властей эвакуация должна была превратиться просто в выселение местных финнов в Финляндию: на южном побережье Финского залива предполагалось создать особую зону, заселенную благонадежными немцами (Siedlungsmark Ingermanland).

² По подсчетам Невалайнена, на оккупированной немцами территории Ленинградской обл. насчитывалось 66 946 финнов, 3729 ижорцев и 667 вожан. В Финляндию прибыло по эвакуации 63 205 финнов (Nevalainen 1990: 23).

³ По переписи 1897 г. в западных уездах процент финнов был невелик, например, в Лужском у. – 0,8%, в Ямбургском – 19%. В восточной части губернии он был значительно выше – в Царскосельском у. – 37,7%, в Шлиссельбургском – 43,1% и т.п.

Литература

Hämäläinen 1944 – Hämäläinen A. Kadonnutta Inkeri. Helsinki, 1944.

Nevalainen 1990 – Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Keuru, 1990.

ЭО, 2009 г., № 5

© **К.В. Шевченко**. Рец. на: *P. Lozoviuk. Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2008. 424 S.*

Одним из ведущих представителей динамично развивающейся в последнее время чешской этнологии является доктор Петр Лозовюк, в сферу научных интересов которого входит проблематика межэтнических отношений, межкультурной коммуникации, а также различные аспекты истории этнографической науки.

Новая фундаментальная монография П. Лозовюка, опубликованная на немецком языке издательством Лейпцигского университета и рассчитанная, прежде всего, на немецкую аудиторию, представляет колоссальный научный и практический интерес как для этнографов, так и для историков, занимающихся межвоенной Чехословакией и проблемами чешско-немецких отношений в данный период времени. Это первое фундаментальное монографическое исследование немецкоязычной этнографии Чехии, охватывающее период с зарождения этнографического интереса до угасания немецкоязычной этнографической традиции в Чехии; при этом основное внимание уделено межвоенному периоду.

Кирилл Владимирович Шевченко – кандидат исторических наук, преподаватель Центра Российского образования в Праге, Чехия.

Становление и последующее развитие чешско-немецкой (deutschböhmisches) этнографии автор проследивает прежде всего на примере Пражского Немецкого университета, детально анализируя академическое наследие ведущих представителей данной дисциплины. Большим плюсом монографии является то обстоятельство, что наряду с изложением конкретного исторического материала, касающегося развития этнографической науки, П. Лозовок уделяет большое внимание широкому общесоциальному контексту, в первую очередь тесной взаимосвязи, существовавшей в изучаемую эпоху между научной этнографической деятельностью и социально-политическими процессами. Как немецкоязычная, так и чешская этнографические традиции интерпретируются автором как специфический дискурс, являющийся, с одной стороны, продуктом национального метадискурса, но с другой стороны, внесший существенный вклад в его становление, развитие и последующую легитимизацию.

Монография состоит из введения и 9 глав. В первой главе рассматриваются методологические и теоретические вопросы, связанные с началом этнонациональных процессов в Богемии. Автор вводит термин “этническая индифферентность” и обосновывает его методологическую целесообразность (S. 16), что позволяет более эффективно описывать и анализировать неопределенные и ситуативно обусловленные проявления идентичности, характерные для рассматриваемого периода времени. Вторая глава посвящена зарождению этнографической науки в Богемии и начальному этапу ее институционального развития. В третьей и четвертой главах анализируются становление и последующее развитие этнографической науки в Пражском Немецком университете. Особое внимание уделяется академическому наследию основателя немецкоязычной этнографии Чехии филолога А. Хауффена, деятельность которого началась еще в 1890-е годы, а также организатору судетонемецкой академической этнографии г. Юнгбауэру. По мнению П. Лозовока, закономерным итогом процесса институционализации немецкоязычной этнографической науки стало основание в 1929 г. в Пражском Немецком университете “Семинара немецкой этнографии”, который после смерти Хауффена возглавил Юнгбауэр.

Автор обоснованно полагает, что взаимосвязь этнографии с социальными и политическими процессами в обществе проявилась в том, что ученые-этнографы активно участвовали в процессе формирования коллективной судетонемецкой идентичности в рамках государства “чехословаков”; при этом аналогичную роль этнография сыграла и в становлении идеологии “чехословакизма” в межвоенной Чехословакии. С данным обстоятельством П. Лозовок связывает и такие черты судетонемецкой этнографической науки, как ее ориентация на изучение этнографической специфики приграничья и “немецкоязычных островов”, что объяснялось особенностями расселения судетских немцев в Чехии.

В наибольшей степени поставленная в книге проблема “обратной связи” между этнографической наукой и социально-политическими процессами в обществе раскрывается в пятой, шестой и седьмой главах монографии. Иллюстрируя участие немецкоязычной этнографической науки Чехии в формировании судетонемецкой коллективной идентичности и ее столкновение в данном качестве с чешской этнографией, автор приводит любопытный пример ходов – чешской субэтнической группы, проживающей в юго-западной Чехии у г. Домажлице на границе с Баварией. Ходы интерпретировались представителями немецкоязычной этнографии Чехии (прежде всего Й. Ханика) как чехизированное немецкое население, в то время как чешские ученые и общественное сознание придерживались диаметрально противоположной точки зрения, считая ходы эталоном “чешскости” и наиболее ярким примером этнографических особенностей чешского народа. Трактовка ходов как преимущественно немецкого населения, подвергшегося чехизации, но сохранившего изначальную “расовую субстанцию” и “немецкую кровь”, оказалась особенно востребованной во время Второй мировой войны в условиях протектората Богемия и Моравия, который стал для немецких нацистов лабораторией различных технологий германизации местного славянского населения.

В восьмой главе на богатом фактическом материале подробно анализируются конкретные примеры этнического соперничества чехов и немцев в смешанных в языковом отношении регионах Чехии (сел. Либинсдорф, область у г. Ческе Будейовице в Южной Чехии и пр.).

Основные выводы изложены в последней, девятой главе монографии. Подводя итог развитию немецкоязычной этнографии в Чехии, автор констатирует, что она не представляла собой идейный монолит и может быть разделена на несколько различных направлений. Среди этих направлений П. Лозовок выделяет этнографию раннего периода, являвшуюся прежде всего “патриотической дисциплиной”; этнографию как полноценную академическую дисциплину, представленную А. Хауффеном и его последователями, а также неакадемическую этнографию,

изучавшую судетонемецкую народную культуру. В качестве отдельного направления исследователь выделяет этнографически ориентированную славистику, развивавшуюся в рамках Пражского Немецкого университета.

Если анализ эволюции немецкоязычной этнографии Чехии представляет важность в первую очередь для этнографов, то для историков безусловно интересна мысль П. Лозовюка о том, что ученые-этнографы выступали в роли конструкторов коллективной идентичности, т.е. в роли определителей того, что было призвано восприниматься населением как “свое” и “чужое”. Именно этнографы, по мнению автора, внесли большой вклад в “этнизацию” повседневной жизни как немецкоязычного населения Чехии, так и самих чехов.

Работа П. Лозовюка удачно и органично сочетает в себе как изложение узкоспециального материала, касающегося развития немецкоязычной этнографии Чехии, так и учет широкого социального контекста, прежде всего общественно-политических реалий межвоенной ЧСР, в неразрывной связи с которыми находилось становление этнографической науки. Рецензируемая монография вносит большой вклад не только в развитие этнографической науки, но и предлагает свежий и оригинальный взгляд на чешско-немецкие отношения в рамках межвоенной Чехословакии, обогащая существующую историографию данной проблемы.

Остается пожелать, чтобы данный труд, многие положения которого представляются актуальными и для стран постсоветского пространства, где в условиях социально-политической нестабильности и потрясений резко активизировались этнокультурные процессы, был переведен на русский язык и стал более доступным для отечественной читательской аудитории.

ЭО, 2009 г., № 5

© Л.Н. Хаховская. Рец. на: *Е.К. Алексеева. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.)*. Новосибирск: Наука, 2003. 158 с.*

В новосибирском издательстве “Наука” вышла монография Е.К. Алексеевой “Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.)”. Автор рецензируемой монографии полагает, что подобного рода труды необходимы для “самосохранения ... этносов и их этнической культуры”, “возрождения и сохранения традиционных культур народов Севера”, “воспитания национального самосознания молодого поколения” (с. 6). Во “Введении”, в соответствии с устоявшимся каноном, дается краткий историографический обзор, прописаны цель и задачи исследования, методологические подходы и др. Наиболее любопытный и симптоматичный для нас аспект заключается в обосновании выбора временных рамок – по мнению Е.К. Алексеевой, именно в указанный период “наиболее интенсивно протекали этнокультурные процессы на севере Якутии, в результате чего выделились территориальные группы эвенов со своими локальными вариантами культур и особенностями” (с. 11, 12).

Судя по содержанию книги, автор вовсе не стремилась быть понятой в том смысле, что процесс этнообразования, хотя бы и на уровне территориальных групп, во-первых, может быть сколько-нибудь надежно зафиксирован в вещественных источниках; во-вторых, может иметь четкую хронологическую “привязку”, и, в-третьих, вообще ретроспективно принципиально наблюдаем. Скорее, это дань общей тенденции считать рубеж XIX–XX вв. временем существования неких “чистых”, неосложненных внешним вмешательством этнических культур. Этот своеобразный эталонный “узелок” на нити времени как бы подразумевает возможность сравнения, сопоставления с ним тех культурных форм, которые сопровождают предшествующее и дальнейшее развитие этносов. Действительно, в рецензируемой книге содержится разновременной фактический материал, который данная “точка отсчета” помогает организовать; автору, конечно же, не удалось удержаться в рамках заявленной хронологии. Монография охватывает гораздо больший временной отрезок – вплоть до современности. Кроме того, декларируемая

Людмила Николаевна Хаховская – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории и археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН; e-hil: hamaovskaya@neisri.ru; hahovskaya@mail.ru